

УДК 347.4

ДОГОВОРНАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. Хохлов

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, 443090, Россия

Аннотация

В статье обосновывается необходимость толковать договор как исключительно гражданско-правовое и самостоятельное правовое явление, которое не сводится к своим составляющим и не выражается в смежных терминах. Такой подход не позволяет распространять данное понятие на соглашения, подчиняющиеся принципам другого нормативно-правового регулирования, а также приравнивать к договору сделки и отдельные обязательства, возникающие из него. Затронут ряд не разрешённых до настоящего времени вопросов. В частности, обозначается, как влияют на договор направленность действий и количество его участников, какие именно отношения могут возникнуть в силу договора и др. Помимо этого, рассматриваются методы организации и проведения мероприятий конференциального типа, посвящённых договору. Отстаивается мнение о необходимости использовать в таких случаях интерактивные подходы, позволяющие не только выявить проблему, но и выработать личное отношение к ней.

Ключевые слова: договор, обязательства, сделки, нормативное регулирование, договорная система, дифференциация договоров, методология проведения мероприятий, интерактивные методы

Положение о том, что современная правовая система не исчерпывается нормами права, стало уже аксиомой: она немыслима без компонентов, в которых проявляется личная воля её субъектов. Прежде всего это касается сферы гражданско-правового регулирования, где в той или иной форме, непосредственно или опосредованно, в результате делегирования полномочий или с помощью собственных активных действий участники гражданских правоотношений определённым образом влияют на правила, их регламентирующие. Это заметно по интенсивному развитию ряда институтов и категорий современного законодательства, а именно:

– начал формироваться блок правил о саморегулировании, отчасти компенсирующих недостатки такого механизма нормативного регулирования, как лицензирование (см. РП РФ);

– появились специальные нормы о решениях собраний, рассматривающие их как акты участников гражданско-правового сообщества (см. гл. 9.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ));

– за сторонами возникших правоотношений закреплена возможность самостоятельно урегулировать ряд их аспектов, в том числе предпринимателям

предоставлено право решить вопрос о возмещении потерь, появившихся в случае наступления определённых в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ);

– участники корпорации получили возможность корректировать сложившееся в нормах права и уставе распределение прав и обязанностей в хозяйственном обществе путём заключения соответствующего договора (ст. 67.2 ГК РФ) и т. д.

Отмеченную линию развития современного гражданского права нельзя считать случайной: в ней отражается вектор перемен в законодательном регулировании и, как следует рассчитывать, практике правоприменения. Если говорить кратко, то суть тенденции состоит в следующем:

- 1) расширяется диапазон источников регламентации;
- 2) более точно и взвешенно учитываются позиции самих участников правоотношений;
- 3) усиливается диспозитивная составляющая права.

Достаточно ярким примером обозначенного направления является повышение роли договора. Однако при формальном обилии работ о договоре в целом и об отдельных его видах в частности базовые представления об этом уникальном явлении так и не были выработаны. Рассмотрим основные затруднения.

Во-первых, не удалось добиться взаимоприемлемого общего понятия договора. Попытки заявить о том, что его суть заключается в «согласованной», «соединённой», «единой» и т. п. воле сторон, легко опровергаются совершенно очевидным фактом: согласованность условий договора вовсе не означает единой направленности воли его участников, она всегда разнонаправленна (см. [1, с. 682–683]).

Малопродуктивным оказалось рассмотрение договора в рамках других категорий, таких как, например, намерение сторон (см. [2, с. 41]). В принципе, у лиц, заключающих договор, намерения, несомненно, имеются, но они более всего характеризуют внутренние, психологические и интеллектуальные аспекты, лежащие за пределами правовой действительности и не отражающие юридически значимых свойств.

Разумеется, определённые представления о договоре даёт п. 1 ст. 420 ГК РФ, рассматривающий его как *соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей*. Это положение существенно, поскольку как минимум позволяет отграничить договор от других соглашений, в результате которых новые права и обязанности не появляются, а имеющиеся не изменяются и не прекращаются (примером могут быть многочисленные «договоры о сотрудничестве»). Между тем в нормативной характеристике договора отсутствует весьма важный, а возможно, решающий компонент – указание на его *регулирующие* свойства. Мы можем считать или не считать условия договора аналогом норм права, но нельзя отрицать того, что, приняв их, стороны признали свою обязанность следовать определённой модели поведения. Таким образом, условия договора применительно к действиям сторон выполняют ту же функцию, что и нормы права, даже если не обладают всеми их свойствами, хотя последнее спорно. Например, весьма распространённые в настоящее время организационные договоры тем и отличаются, что их основной правовой эффект связан с регулированием будущего – внесением определённости в действия ещё до того, как они будут совершены. Впрочем,

эффект регулирования наблюдается практически в любом договоре, который, и это несомненно, заключается сторонами до начала их деятельности по воплощению установленных положений.

Договор можно рассматривать и в качестве юридического факта, что отражено, в частности, в пп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ. Но это лишь одна из многих его функций. В этой связи уместно поставить несколько вопросов. В первую очередь следует прояснить: является ли договором заключённое соглашение, которое пока не реализовано? Несмотря на то что далеко не все права и обязанности, ради которых заключается договор, возникают с момента его заключения, ответ, на наш взгляд, должен быть положительным. Другой вопрос: можно ли называть договором соглашение о кредитной линии? Полагаем, да, хотя основной ожидаемый юридически значимый эффект возникнет лишь в будущем, на второй стадии, когда заинтересованная сторона направит заявку на получение кредита и примет его на условиях, согласованных на первой (организационной) стадии. Однако этого вообще может не произойти, что также предусмотрено данной договорной моделью. Как видим, центральным компонентом и здесь выступает регламентация отношений. Напротив, сомнительно существование гражданско-правовых договоров, которые, допустим, порождают, изменяют права и обязанности, но не содержат правил, определяющих действия сторон по исполнению данного договора. Следовательно, нужно признать, что функция юридического факта для договора не является ведущей. В то же время выполнение им функции источника регулирования обязательно и оттого превалирует.

Во-вторых, чрезвычайно широкое распространение термина «договор» в законодательной и практической деятельности привело к нивелированию его исходного смысла. Договорами стали именовать самые разнообразные явления, основанные на согласии, вне зависимости от сферы их применения и характера отношений, на которые они влияют. Однако согласие как таковое представляет собой особый юридический факт, не имеющий того же значения, что договор. В частности, оно лишь свидетельствует об отсутствии возражений у лица, которое не является участником договорных отношений¹. Важно отметить, что правила о договоре действуют без искажения только тогда, когда отношения участников гражданского оборота основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Полагаем, если даже и можно использовать этот термин, например, в сфере административно-правового регулирования, то в кавычках и с необходимыми пояснениями. Такого рода «договоры» известны правовым порядкам ряда стран (см. [4]). Но, поскольку административное право неизбежно выражает «управленческую волю государства» [5, с. 268], подобные документы представляют собой особую форму распорядительных действий соответствующего органа государства в субординационных отношениях. Это касается и соглашений, которые не утрачивают внутренней природы акта властвования и которые в действительности уместно рассматривать как приём координации или достижения договорённости по отдельным вопросам. Между тем, если речь идёт о гражданско-

¹ Отмечается, что согласие требуется в случаях, прямо предусмотренных законодательством; кроме того, «делку совершает один, а согласие даёт другой (другие лица)» [3, с. 120].

правовых отношениях, характеристика (правовой статус) участвующих в них субъектов имеет подчинённое, даже второстепенное значение. Примером могут быть нормы гл. 5 ГК РФ, определённо требующие рассматривать соглашения, заключаемые публичными образованиями при вступлении в гражданско-правовые отношения, обычными договорами.

В этой связи уместно вспомнить защиту одной диссертации². Соискатель учёной степени кандидата юридических наук, исследуя договор о получении образования лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, сделал вывод об «уникальности» такого договора и отнёс его к особым явлениям (институтам) уголовно-исполнительного производства. Разумеется, в процессе пребывания в исправительных учреждениях между осуждённым и государством (в лице его органов) выстраиваются специальные отношения, которые подчиняются уголовно-процессуальному законодательству. Однако мы убеждены, что, как только осуждённый вступает в отношения иной направленности с заключением соответствующего договора (в данном случае – об оказании образовательных услуг), факт отбывания им наказания не имеет принципиального значения – перед нами гражданско-правовой договор. Всё это позволяет считать понятие договора исключительно *цивилистическим*.

В-третьих, договор часто смешивается с близкими понятиями, в том числе с обязательством. Отчасти это обусловлено тем, что изначально цивилизация оказалась увлечённой практичностью и удобством последнего. Прежде чем увидеть значение договора, внимание человечества, а вслед за ним и правовой науки было приковано к его своеобразному продукту, частному по отношению к нему и более примитивному понятию. Влияла и наглядность обязательств: результат их исполнения люди наблюдали воочию в виде выполненной работы, полученного товара и проч. А тот факт, что за всеми обязательствами стоит договор как явление, их породившее, не ощущался столь остро. Лишь со временем, когда развитие экономических процессов потребовало предварительного планирования и организации производства, а взаимоотношения сторон уже не исчерпывались простым актом вручения (передачи) готового товара, стала заметной ведущая роль договора: устанавливая содержание обязательств, он предопределяет и результат их исполнения. Нет оснований рассматривать договор как обязательство уже потому, что не все обязательства им порождаются и далеко не всегда договоры порождают именно обязательства. Наконец, если сравнивать эти две категории с точки зрения причины и следствия, то уместно напомнить слова И.Н. Трепицына: «...Договор есть создающая причина, а обязательство – последствие, продукт этой причины» [6, с. 3].

К сожалению, до сих пор встречаются неосторожные высказывания, отождествляющие договор и сделку (см., например, [7, с. 17]) либо допускающие их смешение; это можно объяснить тем, что оба документа обладают результативным правовым эффектом [8, с. 360]. Не следует тем не менее полагать, будто законодатель отождествляет договор и обязательства. В п. 2 ст. 420 ГК РФ говорится лишь о том, что к договорам могут *применяться* правила о двух-

² От редакции: речь идёт о работе М.В. Левиной (Договорное регулирование в публично-правовой сфере: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – 23 с.).

и многосторонних сделках, но только те, которые установлены гл. 9, если иное не предусмотрено законом. Заметим: в этой главе практически не проведено различие между односторонними и многосторонними сделками, что уже само по себе мешает свободно применять названное правило. Наконец, всякая сделка, соответствующая норме ст. 153 ГК РФ, есть волевое направленное действие, при этом «главным её отличием от договора является отсутствие в ней функции индивидуального регулятора» [9, с. 149]. Проще говоря, сама по себе сделка ничего не регулирует.

В-четвёртых, не вполне выяснено, как влияют на договор направленность действий и количество его участников. Как известно, общая модель нормативного регулирования договорных отношений ориентирована на наличие лишь двух сторон, интересы и права которых противопоставлены (например, кредитор и должник); сообразно этому осуществляется регулирование возникающих из договора обязательств. Однако в некоторых договорах (преимущественно организационных) цели участников не противостоят друг другу (например, транспортная организация и порт в рамках договора об организации перевозки грузов); более того, в ряде случаев стороны преследуют общую цель (прежде всего это касается договоров товарищеской формы ведения дел).

Впрочем, до сих пор не удалось найти методического основания, позволяющего применять или не применять правила о договорах к многосторонним соглашениям. Законодатель в п. 4 ст. 420 ГК РФ ограничился указанием на возможность применения, *если это не противоречит многостороннему характеру таких договоров*. Более того, объединения участников, если даже они не образуют юридического лица, традиционно рассматриваются как особая форма взаимодействия, имеющая специальное нормативно-правовое регулирование (см., например, гл. 55 ГК РФ). Вероятно, такие договоры требуется обособить в особый класс или как минимум развить и расширить их нормативно-правовое регулирование в ст. 420 ГК РФ.

Имеются и другие трудности в понимании правовой природы договора и отдельных случаев его действия. Так, разумно предполагать, что он порождает не только обязательства. Однако отсутствует единообразное понимание того, какие именно отношения могут возникнуть в силу договора, каковы их структура и содержание; не осуществляется и нормативное регулирование этого аспекта.

Кроме того, известно, что иногда заключённое соглашение подлежит перекалфикации (как самими участниками, так и правоприменительными органами). Но не сложилось ясных представлений о том, как толковать это явление в теоретическом плане, каким образом отражать перекалфикацию в учёте и режиме налогообложения, какие последствия она вызывает.

Договорам посвящается немало конференций и иных научных и научно-практических мероприятий. В целом они полезны, поскольку углубляют понимание этой сложной категории, расширяют горизонт исследований, однако, к сожалению, часто неэффективны. Дело в том, что на таких мероприятиях, как правило, отсутствует интерактивный аспект, позволяющий принять реальное участие в обсуждении проблем, высказать своё мнение. В результате вопросы остаются нераскрытыми, источники недоразумений и неточностей в толковании – невыявленными, подходы к решению – ненамеченными. В связи с недостаточным

уровнем исследований по данной проблематике были предприняты попытки провести серию мероприятий конференциального типа, посвящённых договорному праву, в несколько ином формате. Они ежегодно проходят в одном из вузов Поволжья, а именно: Казани, Ульяновска, Самары и Саратова. Тема дискуссии определяется соответствующим учебным учреждением по согласованию с остальными участниками.

Так, сентябре 2014 г. на базе Волжского университета им. В.Н. Татищева были проведены слушания (круглый стол), посвящённые организационным договорам и организационным отношениям³. Выбор темы определялся следующими обстоятельствами: данный вид договоров, будучи недостаточно исследованным, всё активнее входит в юридическую практику; более того, Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в законодательство включены нормы о таких организационных договорах, как рамочный, абонентский и др. (42-ФЗ). Их отличительными чертами являются цель, задающая определённый уровень «организованности» в будущих действиях, и состав возникающих правоотношений (по общему правилу они не имеют признаков обязательств). Иные особенности организационных договоров связаны с тем, что их заключение предваряет следующий этап взаимоотношений сторон, когда подписываются обычные договоры (о передаче товаров, выполнении работ и проч.). Поскольку современная экономика явно нуждается в таких правовых инструментах, следует ожидать интенсивного их развития.

В октябре 2015 г. на базе Самарской гуманитарной академии прошла научно-практическая конференция «Систематика договоров в гражданском праве»⁴. В данном случае под систематикой договоров следует понимать такую деятельность, как:

- установление базовых положений о договорах;
- выяснение вопроса о том, что представляет собой договор в принципе;
- квалификация договоров, то есть установление системных связей.

Как видим, систематика договоров в этом смысле отличается от изучения системы договоров – сложившихся в законодательстве видов договорных форм. Предложенный подход видится методологически верным.

Наконец, в продолжение серии мероприятий в октябре 2016 г. на базе Ульяновского государственного университета был проведён Международный круглый стол на тему «Непоименованные и смешанные договоры» (сборник материалов готовится к печати). Такие договоры давно и прочно вошли в юридическую практику, однако их нормативно-правовое регулирование фактически отсутствует, за исключением правил, установленных п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ. Необходимость внесения ясности обнаружилась и при обсуждении этого вопроса. Например, оказалось, что почти каждый из участников мероприятия даёт договорам, не предусмотренным законодательством, свою собственную характеристику. Между тем в рамках дихотомии *поименованные – непоименованные договоры* и с учётом п. 2 ст. 421 ГК РФ каждый договор неизбежно должен быть

³ Наиболее значимые материалы представлены в Вестнике Волжского университета им. В.Н. Татищева [10].

⁴ Основная часть материалов конференции опубликована в сборнике тезисов [11].

квалифицирован либо как поименованный, либо как непоименованный без допущения каких-либо промежуточных категорий (например, «названный», «указанный» «определённый» и т. п.).

Естественно, это не мешает *de lege ferenda* обсуждать точность и обоснованность законодательной характеристики поименованных договоров. В частности, были высказаны предложения по изменению содержания п. 2 ст. 421 ГК РФ. Их суть заключается в установлении трёх признаков для признания договора поименованным:

а) такой договор должен быть прямо назван в федеральном законе (но не в любых правовых актах);

б) должны быть определены его предмет и существенные условия;

в) в законе должно быть установлено его соотношение с известными договорными конструкциями.

Помимо этого, при обсуждении смешанных договоров выяснилось, что у участников не сложилось чёткого представления относительно их названия: почему они именуются «смешанные» и что именно смешивается? С учётом того, что правоотношения – основная и определяющая форма проявления права, уместно, на наш взгляд, полагать, что в подобных договорах соединяются именно правоотношения (а не условия, нормы и т. п.). Тогда к ним будут относиться довольно редкие случаи. Например, нельзя считать смешанным договор, предусматривающий поставку продукции, а затем её переработку (или наоборот).

Конечно, не все задачи были решены в рамках названных конференций, тем не менее предпринята попытка разрушить стереотипный формат. Например, на всех этих мероприятиях сначала формулировались вопросы, которые подлежали последующему обсуждению; кроме того, было предложено публиковать ответы на них. Такой подход, по нашему мнению, принципиально важен для столь сложных тем, ведь научное осмысление проблем и их успешное решение определяются методически правильно заданными вопросами. В связи с этим отметим: практика проведения большинства конференций показывает, что в действительности их участников мало что объединяет, тема раскрывается ими не только не одинаково, но и без опоры на единую методику (алгоритм); обсуждение предварительно поставленных вопросов позволяет преодолеть это затруднение. А использование программного обеспечения для видео- и голосовой связи дало возможность задействовать одновременно четыре площадки и, самое главное, позволило участникам работать в интерактивном режиме.

Источники

РП РФ – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 дек. 2015 г. № 2776-р «О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2016. – № 2 (ч. II). – Ст. 458.

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 дек. 2016 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

42-ФЗ – Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

Литература

1. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: в 2 т. – М.: Юрайт, 2011. – Т. 2. – 1093 с.
2. Корецкий А.Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 211 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1998. – 681 с.
4. Стариков Ю.Н. Административный договор: опыт законодательного регулирования в Германии // Государство и право. – 1996. – № 12. – С. 40–52.
5. Юсупов В.А. Философия и общая теория административного права. – М.: Евраз. акад. адм. наук, 2012. – 449 с.
6. Трепицын И.Н. Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с Проектом гражданского уложения. Общая часть обязательственного права. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1914. – 363 с.
7. Рогова Ю.В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота. – М.: Статут, 2015. – 143 с.
8. Белов В.А. Гражданское право: в 2 т. – М.: Юрайт, 2017. – Т. 1. – 451 с.
9. Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. – М.: Статут, 2014. – 751 с.
10. Материалы круглого стола // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 4. – С. 149–226.
11. Систематика договоров в гражданском праве: Сб. тез. Всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 9 окт. 2015 г.). – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2016. – 188 с.

Поступила в редакцию
13.03.17

Хохлов Вадим Аркадьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности

Самарский государственный экономический университет
ул. Советской Армии, д. 141, г. Самара, 443090, Россия
E-mail: vahohlov@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 2, pp. 450–458

Contractual System: Problems and Methodology of Research

V.A. Khokhlov

Samara State University of Economics, Samara, 443090 Russia
E-mail: vahohlov@mail.ru

Received March 13, 2017

Abstract

The main difficulties associated with understanding and interpretation of the contract as the exclusively civil and independent legal phenomenon which is not reduced to its components expressed in adjacent concepts have been analyzed. This approach does not allow to apply this concept to the agreements

in line with the principles of other standard and legal regulation and also to equate transactions and separate contractual obligations to the contract. A number of controversial problems have been discussed. Particularly, it has been specified how the focus of actions and participants involved in it influence the contract, as well as what relations may appear regarding the contract, etc.

Furthermore, methods of organization and holding certain actions of the conference type related to the contract have been considered. The need to use the interactive approaches ensuring not only identification of problems in such cases, but also allowing to develop personal attitudes towards them has been proved.

Keywords: contract, obligations, transactions, standard regulation, contractual system, differentiation of contracts, methodology of holding actions, interactive methods

References

1. Belov V.A. Civil Law. General Part. Vol. 2. Moscow, Yurait, 2011. 1093 p. (In Russian)
2. Koretskii A.D. Theoretical and Legal Grounds of the Study on Contract. St. Petersburg, Yurid. Tsentr Press, 2001. 211 p. (In Russian)
3. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. Contractual Law: General Terms. Moscow, Statut, 1998. 681 p. (In Russian)
4. Starilov Yu.N. Administrative contract: The experience of legislative regulation in Germany. *Gosudarstvo i Pravo*, 1996, no. 12, pp. 40–52. (In Russian)
5. Yusupov V.A. Philosophy and General Theory of Administrative Law. Moscow, Evraz. Akad. Adm. Nauk, 2012. 449 p. (In Russian)
6. Trepitsyn I.N. Civil Law of Provinces in the Kingdom of Poland and the Russian in Relation to the Project of Civil Code. General Part of the Law of Obligation. Warsaw, Tip. Varsh. Ucheb. Okr., 1914. 363 p. (In Russian)
7. Rogova Yu.V. Contract as a Means for Ensuring Civil Turnover. Moscow, Statut, 2015. 143 p. (In Russian)
8. Belov V.A. Civil Law. Vol. 1. Moscow, Yurait, 2017. 451 p. (In Russian)
9. Egorova M.A. Termination of Obligations: System Research on Legal Institution. Moscow, Statut, 2014. 751 p. (In Russian)
10. Proceedings of the Round Table. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2014, no. 4, pp. 149–226. (In Russian)
11. Systematics of contracts in civil law. *Sb. tez. Vseros. nauch.-prakt. konf. (Samara, 9 okt. 2015 g.)* [Proc. All-Russ. Sci.-Pract. Conf. (Samara, Oct. 9, 2015)]. Samara, Izd. Samar. Gumanit. Akad., 2016. 188 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Хохлов В.А. Договорная система: проблемы и методология исследований // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 2. – С. 450–458. ⟩

⟨ **For citation:** Khokhlov V.A. Contractual system: Problems and methodology of research. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 2, pp. 450–458. (In Russian) ⟩